

Филатов 4

1985

Февраль, 1985, № 22 экз.

№ 51 (1343). 1985 г.

Встречи

Интервью с популярным актером делается так: в непринужденной беседе ему сообщаются основные сведения о нем самом — когда он родился, где учился (здесь следует перебивка: актер рассказывает первый смешной случай из биографии), куда поступил потом (второй смешной случай), у кого и в каких фильмах снимался (помните, какой забавный эпизод произошел с вами на съемках?), чем увлекался и чем награждался...

— Вот-вот, — мрачно кивает актер театра «Современник» Леонид Филатов, — а в конце нашей захватывающей беседы вы от души пожелаете мне новых творческих успехов. Так что давайте попробуем обойтись без интервью, а то мне уже перед мамой неудобно: учился-стремился, поступил-выступил.. Если редакции нужен материал о Филатове, напишите статью.

— Но в статье будет мое мнение о вас, а это неинтересно. Интересно ваше мнение о...

— О чем?

— О своей профессии. Знаете, во многих газетах и журналах есть такая рубрика — «Разговор о профессии».

Леонид ФИЛАТОВ

ТАКАЯ КАПРИЗНАЯ ПРОФЕССИЯ

— В таком случае, я вам назову множество актеров, к которым насчет этого можно обратиться с большим основанием. Евгений Евстигнеев. Между актером и его ролями, как говорят, иголки не просунешь. Вот у кого о секретах мастерства спрашивать надо. Олег Янковский, Олег Борисов, Алексей Петренко... Можно продолжить.

— Но вот уже много лет ваше имя неизменно называют среди самых популярных актеров кино.

— Дело в том, что решающее слово остается за зрителями в возрасте от 16 до 25 лет. А им свойственно искать примеры для подражания в людях несколько постарше себя: отец не отец, но, скажем, старший брат. Возраст моих героев как раз соответствует...

— Однако одним возрастом все не объяснишь.

— Разумеется. Для меня всегда было важно быть на экране самим собой. Я никогда не стремился искать внешнюю характерность (роли в «Избранных» С. Соловьева или в «Народном комиссаре» А. Зархи все-таки скорее исключения). Гораздо более интересна мне такая форма существования на экране, как один из тех же человеческий тип в различных обстоятельствах. Это — не придуманный «имедж». Ты сохраняешь все свои жизненные привычки, свою манеру речи, свой, скажем, прищур и как бы сливаешься для зрителей со своими героями, играя в то же время вещи очень разные.

Принято утверждать, что актер накапливает, набирзет — в театре, а в кино — только отдает. Но при этом нужно иметь что отдавать.

Был у меня в жизни момент, когда я решил: посижу-ка пару лет дома и буду только писать рассказы в свое удовольствие. К счастью, быстро одумался. Потому что случись так, и всё — профессии нет. Это набирать умение трудно, а растерять — легче легкого, отучиваешься работать моментально. Если актер, допустим, год не поработал в кино, у него потом на съемочной площадке шок наступает — половину съемочного периода он будет только осваиваться, приходиться в себя. То же самое и в театре: нужна постоянная практика, необходимо все время быть занятым, играть. При этом самый строгий судья себе — ты сам. Себя-то не обманешь, как ни убеждай: «Ну, боже мой! Ну, как-нибудь... Ну, играл же я...». Первая неверная, фальшиво взятая тобой на сцене нота обожжет и долго не даст покоя. Такая капризная профессия...

Но ремесла недостаточно. Нужно иметь что сказать. Я знал поразительного по мастерству актера, который мог сыграть все: воду, стул, телефонную книгу, но самому ему сказать было нечего. Это был гениальный инструмент в руках других.

— Любовь или ненависть? Какое чувство сильнее? Что движет миром? Что движет актером?

— Вы же понимаете, что это нерасторжимое целое. Неистовость, ярость — «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно творит добро»... Конечно, соблазнительно вслед за великим старцем изречь: «Только любовью», но нет универсальных формул. Давайте спустимся на землю. Вот ситуация: директор крупного магазина?

вор, при нем очень хорошо живет его холуям, тем, кто помогает ему воровать у государства и пьет вместе с ним. Знакомо? Так какой любовью вы их проймаете?! С недоверием отношусь я и к латым формулам типа «Добро должно быть с кулаками!». Потому что этими кулаками начинают во имя того самого добра так размахивать, что треск стоит. У меня есть, разумеется, определенная позитивная программа, но мне кажется, что в первую очередь необходимо побыстрее расстаться с тем, с чем расстаться давно пора. И не надо быть идеалистами: искусство не может вот так впрямую, сразу же воздействовать на жизнь, перевернуть существующие аномалии, отмести все плохое. Но как капля, точащая камень, оно может менять образ мышления людей в сторону большей нравственности.

В обиходе понятие «нравственность», впрочем, трактуют подчас странно. Например, приглашаю в какой-нибудь далекий город на встречи со зрителями. За четыре дня запланировано четыре встречи. Двое суток займет дорога туда и обратно. Чтобы поехать, я должен оторваться от репетиций в театре (непонятно — как?), что-то сказать на киностудии, где идет озвучение фильма (что сказать?), у меня еще семья есть... Короче — отказываешься. В ответ слышишь: «Как вам не стыдно! Это безнравственно! Мы о вас лучше думали, а вы, оказывается, интеллигентствуете тем, сколько вы заработаете!»

«Лучше думали» — это как? Что я умею жить без денег? И ведь такое ханжество бывает: разговор о гонораре считается неприличным, «безнравственным». Да разве образец, наверное, нравственной чистоты, щепетильнейший, нежнейший Антон Павлович Чехов или великий пролетарский писатель Максим Горький когда-нибудь отказывались от гонораров, потому что получать их «неприлично»? Гонорар — плата за их труд, они на эти деньги жили. А вот актера можно и попрекнуть. С актерами вообще многое можно. Очень у нас любят писать актерам письма: «Вот вы выступали в «Кинопанораме» и сказали... Да как вам не стыдно (опять!)... И вообще...» Получает актер, мягко говоря, бестактное письмо — и настроение испорчено на весь день. Никому не приходит в голову написать письмо какому-нибудь серьезному товарищу: «Видел тут вас по ТВ в передаче «Проблемы экономики». Шляпа на вас как-то сидит... И костюмчик, прямо скажем, не у Зайцева шили. Да и вообще — чей-то вы такой толстый?» Не пишут же. А актерам — можно.

— У Булата Окуджавы есть стихотворение: «Берегите нас, поэтов, берегите нас. Остается век, полвека, год, неделя, час...»

— Кто бы про актеров такое написал... Они ведь потому и стали актерами, что у них чувствительность — повышенная, ранимость — повышенная. Я в данном случае не про себя говорю, поймите... Актер — как та самая флейта: сыграть на ней бывает трудно, но зато расстроить можно очень легко. Терпимость — необходимое для нравственного здоровья общества понятие.

На экране же нравственность — предмет подчас специфический. Часто вопрос сводят к тому, изменяет герою своей жене (безнравственный тип) или нет (человек высоких нравственных устоев). Вульгаризируем предельно. Не надо в таких фильмах сниматься, скажете вы. Но от актера в кино мало что зависит. Ему хочется сниматься. Он получает сценарий. Слабый. Но думает: «Этот примитивный текст я обдурю! Вот сюда и сюда я добавлю два звена, и он зазвучит совсем по-другому. Партнеры по фильму у меня отличные, так что нужно соглашаться — может получиться что-то интересное». Но во время съемок партнеры неоднократно менялись, в материале отснятой роли сделаны такие купюры, что не только двух заветных «звеньев», но и еще многого уже не осталось. Кто же виноват, что на экраны вышел еще один плохой фильм?

— И все-таки почему именно в кино вам удается так ярко проявлять свои актерские возможности?

— В кино чаще представляется возможность выложиться полностью. Когда в 1977 году режиссер Константин Худяков начинал работу над фильмом «Иванцов, Петров, Сидоров», он почему-то решил, что Петрова должен играть именно я. Я к тому времени совершенно не был готов к работе в кино, мне казалось, я там не нужен. Есть же театральные актеры, которым кино «не светит», и к тому же на «темных лошадках» в кино никто не ставит... «Я — ставлю», — сказал Худяков, и началась обработка полного сценария. Были и угрозы, и «на совесть» он меня брал, и «на арапа». Было и лукавство: Худяков рассказывал мне, какое огромное впечатление на всех произвели мои пробы к фильму. Как выяснилось позже, на худсовете вежливо поинтересовались, где режиссер выискал актера с таким странным лицом и зачем оно ему. Худяков стал всех убеждать, что я — знаменитый актер театра на Таганке, на что ему сухо возразили, что на Таганке они знают другого знаменитого актера, а это лицо видят впервые. «Только под вашу личную ответственность...», — сказали молодому режиссеру напоследок. Худяков рисковал, я тоже понимал, что переворота в кинематографе не произведу. Поэтому, когда впоследствии фильм, в котором я играл, например «Экипаж», получили определенный общественный резонанс, я радовался не за себя и даже не за режиссера и съемочную группу — я радовался за Худякова. Я подсознательно хотел доказать, что он не зря пригласил тогда сниматься актера Филатова.

— Перед Худяковым вы, по-моему, в долгу не остались: может быть, лучшую свою роль в кино сыграли в его «Успехе».

— Работа с этим режиссером дает ту творческую радость, без которой никакая удача в нашем деле невозможна: нельзя же снять хороший фильм по обязанности.

— В «Успехе» вы не впервые играли в кино роль режиссера — можно вспомнить, например, «Голос» Ильи Авербаха. А каково ваше отношение к режиссерам в жизни?

— Мои личные взаимоотношения с тем или иным режиссером — это все-таки мое личное дело. Тут ведь главное — не какой режиссер человек и дружу я с ним или нет, а что он на сегодняшний день представляет собой как художник. И пусть он будет ужасным мизантропом или эгоистом — «пороки эти все снести невозможно, если их превысят достоинства, что в нем заключены». А какие у режиссера могут быть достоинства? Только одно: способность создать произведение, переворачивающее мне душу. Ради этого можно многое простить.

— А есть ли режиссер, с которым вам бы очень хотелось встретиться в работе, но все не получается?

— Есть. Роман Балаан. В нем привлекают и высочайшая культура работы с актерами, и абсолютное владение профессией, и умный, точный, внимательный взгляд на жизнь, и еще многое-многое. Ему веришь. Мне всегда интересны работы Балаана. С ним я действительно мечтаю встретиться в работе.

Беседу вел В. БУРЯКОВ.
Фото Т. Шахвердиева.